

Е. Ю. Ендольцева

Институт востоковедения РАН (Москва)

**Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв.:
возможные истоки и значение**

Среди рельефов, которые можно датировать эпохой Абхазского царства, есть гомогенная группа зооморфных изображений. Они происходят из нескольких мест центральной и восточной Абхазии, а также из Сочинского района Краснодарского края. Эта территория исторически входила в состав ядра Абхазского царства, откуда начался процесс формирования этого государственного образования. К этой группе прежде всего относятся три рельефа с горы Анакопия, рельеф с изображением быка и льва с Сухумской горы, рельеф с изображением двух птиц из Мрамбы (два последних из коллекции АГМ), птица на плите с крестом и плита с рыбами из Мрамбы, львы в сцене Даниил во львином рву из села Веселое. Все эти изображения роднит грубый рисунок, простые стилистические приемы в изображении шкуры зверей, оперения птиц и чешуи рыб. Это или неглубокие диагональные насечки, или точки. Все звери представлены в плоскостно-графическом стиле, их биологическую идентификацию порой трудно определить. К примеру, рыбу на рельефе из Анакопии можно принять за саламандру, а льва из той же коллекции – за кабана¹. Только аналогичные изображения на других памятниках и их семантический контекст позволяет утверждать, что в данном случае действительно представлен лев².

В похожем стиле исполнены некоторые изображения из исторической провинции Грузии Верхняя Картли (ныне территория Южно-Осетинской Республики). Они находятся на нескольких памятниках в верховьях реки Ксани. Эта территория также входила в состав Абхазского царства (Эгриси). Среди них изображения из Кударо (звери из Касагина)³ и из Надарбазеви⁴, морское чудовище, поглощающее Иону, на навершии окна из Берис-сакдари в Эредви⁵, то же морское чудовище из Кваисис-Джвари⁶.

¹ Шевченко Д. В. Проблема идентификации зооморфного образа в рельефе церкви Святого Феодора Анакопийской крепости (Абхазия) // Народы и религии Евразии. Этнология. Религиоведение. Археология. 2017. Вып. 3–4 (12–13). С. 42–51.

² Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / А. С. Агумаа, Д. В. Белецкий, А. Ю. Виноградов, Е. Ю. Ендольцева; автор предисл. О. Х. Бгажба; отв. ред. и сост. Е. Ю. Ендольцева. СПб., 2011. С. 117–118.

³ *Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017. № 219–221.*

⁴ *Ibid.* № 217–218.

⁵ Метисашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шида Картли. Тбилиси, 1975. С. 67. Ил. 56.

⁶ Там же. С. 84. Ил. 74.

К этой же группе примыкает таинственное изображение двух зверей в геральдической позе над западным входом в храм на горе Лашкендар. Ближайшая стилистическая и иконографическая аналогия этому рельефу – резная плита из аланского памятника Рим-Гора под Кисловодском. Лашкендарских зверей, вероятно, также можно сопоставить с изображениями двух собак, охраняющих границу между двумя мирами, на гробнице Аланского вождя с Кяфарского городища. Эти изображения с территории Абхазского царства можно датировать серединой X – первой половиной XI вв.

Аналогичные образы животных встречаются в X в. и на некоторых других грузинских памятниках этого стиля. К примеру, львы из сцены Даниил во львином рву на навершии окна из Азаврети¹, они же в той же ситуации на навершии окна из Гумбати² или на навершии из Кехви³. Птицы в оформлении щелевидных окон из церкви в Бза⁴, львы и бык из той же церкви⁵, львы и птицы из Дигоми⁶, а также птицы на алтарной преграде из Гвелдеси⁷ и некоторые другие. Другой пример – изображение льва и грифона на одной из плит из церкви Тхаба-Ерды (современная территория Ингушети).

Своеобразие культуры этой территории (верховья рек Ксани и Лиавхи и западная часть Шида Картли) на рубеже IX и X вв. было обусловлено «частыми сменами власти на этой территории (таоские Багратиды — абхазские цари — анийские цари — абхазские цари), приносившими с собой новые архитектурные веяния»⁸. Или эти изображения могли отражать некоторые местные художественные традиции, которые содействовали духовному и культурному подъему в северной части Западного Картли как в области наименее затронутой арабскими набегами на рубеже IX и X вв.⁹

Интересно, что среди других аналогий некоторым видам животных с территории Абхазского царства – некоторые примеры из Каппадокии. Похожие по стилю изображения встречаются (правда, в другой технике, фреске) в некоторых памятниках Каппадокии. В первую очередь речь идет о кошачьих хищниках, быках и рыбах¹⁰.

¹ *Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture. № 203.*

² *Ibid. № 204.*

³ *Ibid. № 205.*

⁴ *Ibid. № 282, 284.*

⁵ *Ibid. № 282, 283, 286.*

⁶ *Ibid. № 298–300.*

⁷ *Ibid. № 492, 494.*

⁸ *Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М., 2015. С. 295.*

⁹ Там же. С. 296.

¹⁰ *Ендольцева Е. Ю. Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии // Российская археология. 2012. № 3. С. 109–114.*

Возможно, появление таких изображений связано с влиянием традиционной культуры, отражения которой встречаются на памятниках этого региона, начиная с эпохи бронзы.

Е. С. Ермак

Санкт-Петербургский Государственный Академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств (Санкт-Петербург)

Образ Христа *Militans*: диалог культур в иконографии и стилистике раннехристианской скульптуры

Образ Христа-воина нередко встречается как в восточном, так и в западно-христианском искусстве, в особенностях XII–XIII вв. Вероятно, и в том, и другом случаях его значение отсылает к Псалму 90, текст которого прочитывается эсхатологически, возвещает о Страшном Суде и грядущем Втором пришествии Спасителя: *на астида и василиска наступающим и попирающим льва и дракона – ἐπ’ ἀσπίδα καὶ βασιλίσκον ἐπιβήσῃ καὶ καταλάτῃσσις λέοντα καὶ δράκοντα* (Пс. 90:13). Подобная интерпретация во многом основывается на ранних богословских сочинениях (III–VI вв.). Тем не менее, согласно исследованию Дж.-Б. Эллиотта, изображение может иметь и второй уровень смысла, когда текстовый источник истолковывается в соответствии с представлениями заказчика, и в таком прочтении может утверждать авторитет церкви или светской власти¹. Данная традиция уходит корнями в древность: Евсевий Памфил (III–IV вв.) пишет об использовании указанного мотива в мозаике императорского дворца в Константинополе, где был изображен Константин I Великий (306–337), сокрушающий дракона². Однако сохранились не только ранние живописные произведения такого рода, но и скульптурные.

Иконографические особенности образа *Militans* рассматриваются в общих работах³, однако палеохристианская скульптура в них практически не упоминается. Причиной последнего, вероятно, является то, что памятники III–V вв., включающие в состав декора образ Христа *Militans*, распространены крайне мало. Специфический характер искусства и богословия раннего времени делают именно эти предметы особенно интересными и актуальными для анализа.

¹ Elliott G.B. Regnum et sacerdotium in Alsatian Romanesque Sculpture: Hohenstaufen Politics in the Aftermath of the Investiture Controversy (1130–1235). PhD-Thesis. [The University of Texas at Austin]. Austin, 2005. P. 58.

² Eusebius Werke. Bd. 1.1: Über das Leben des Kaisers Konstantin / Ed. F. Winkelmann. [Die griechischen christlichen Schriftsteller]. Berlin, 1975. P. 3–151.3.3.

³ Лазарев В.Н. Византийская живопись. М., 1971. С. 51.